

ЭФФЕКТ КОЛЕИ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

МАЛКИНА МАРИНА ЮРЬЕВНА,

*доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории экономики,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Электронный адрес: mmuri@yandex.ru*

**НУРЕЕВА Р.М. , ЛАТОВА Ю.В. «РОССИЯ И ЕВРОПА:
ЭФФЕКТ КОЛЕИ (ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА
ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ)». КАЛИНИНГРАД:
ИЗД-ВО РГУ ИМ. И. КАНТА, 2010. 531 С.**

*«...Попал в чужую колею
Глубокою.
Я цели намечал свои
На выбор сам,
А вот теперь из колеи
Не выбраться.
Крутые скользкие края
Имеет эта колея.
Я кляню проложивших ее,
Скоро лопнет терпенье мое...
...Отказа нет в еде-питье
В уютной этой колее,
И я живо себя убедил –
Не один я в нее угодил.
Так держать! Колесо в колесе!
И доеду туда, куда все...»*

В. Высоцкий. Из текста песни «Чужая колея»

Передо мной книга, которая претендует на статус «первой российской монографии, характеризующей развитие России и Европы с использованием концепции зависимости от предшествующего развития» (из аннотации). Прочитав эту монографию, начинаешь реально осознавать, что притязания авторов небезосновательны. В книге действительно рассматриваются пути развития экономических систем, разные логические траектории, заканчивающиеся бифуркационными точками, от которых расходятся новые возможные траектории.

Все это движение очень напоминает железную дорогу, на некоторых участках которой возможно только скольжение по рельсам (поезд идет по накатанной), но в то же время существуют развилки дорог и даже станции, когда есть выбор, куда повернуть, хотя в каждом конкретном историческом пункте количество таких развилок

тоже ограничено. На этих развилках пути России и Европы сходятся и расходятся. По всей видимости, эти пункты как раз играют роль бифуркационных точек в развитии России и ее экономики... Далее страна может двигаться по привычным, наезженным, более соответствующим ее стандартам траекториям — движение идет легче, ведь все институты ему способствуют. Или может выбрать чужой стандарт. Тогда она начинает двигаться по другой колее, размер которой оказывается на 8,5 см уже. Она подстраивает свои институты к этому стандарту, движется по аттрактору и в некоторый момент осознает отсутствие альтернатив. Но когда-то появляется новая развилка дорог, новая бифуркационная точка, новая возможность выбора. И в этом пункте ее все больше тянет вернуться на прежнюю наезженную колею. Впрочем, это уже метафора.

Книга Р.М. Нуреева и Ю.В. Лагова состоит из введения, трех частей и заключения.

Во введении объясняется институциональный феномен *Path Dependence*, или «эффект колеи». И большие возможности, открывающиеся перед экономической историей как наукой при использовании его в качестве базового методологического принципа. Авторы утверждают, что в рамках неоклассической методологии создание теории экономического развития в принципе невозможно, потому что эта методология предполагает свободный выбор свободных людей, ориентированных на эффективность, история же свидетельствует об обратном. Приговор звучит безапелляционно: «...Парадигма классического либерализма (классика и неоклассика) принципиально антиисторична» (с. 11). Не случайно экономическую историю как науку изначально создавали альтернативные классическому направлению экономической мысли парадигмы: историческая школа, камералистика, марксизм (все три относятся к Германии) и институционализм. В то же время, по утверждению авторов, абсолютно все обществоведческие школы, претендовавшие на создание «большой теории», являются «институциональными» по сути (с. 13). Концепция зависимости от предшествующего развития (авторы П. Дэвид и Б. Артур) относится к разряду теорий, которые «анализируют ситуации случайного/сознательного выбора новых стратегий развития в бифуркационных точках» (с. 15). Ее применяют для исследования случаев «глобальной конкуренции экономических систем» (с. 17).

Конкуренция институтов и институциональных систем рассматривается авторами с позиции их конкурентных преимуществ. С этой точки зрения победить, должен более эффективный *на данный момент* стандарт. То есть на момент, когда, собственно, осуществляется выбор (когда мы в состоянии бифуркации). Выбор может оказаться случайным и стать роковым, подобно «эффекту бабочки» Р. Брэдли. Его неэффективность осознается очень быстро, но экономика уже движется по новому аттрактору (*attract* — «притягивать, привлекать», если дословно переводить с английского), когда выбора нет. Победа неэффективных с точки зрения последующего развития стандартов в конкурентной борьбе объясняется авторами разными причинами, в том числе наличием технологий подавления конкурирующих институтов и их «мобилизационной способностью».

«Институциональным новациям» в историческом развитии противостоят институциональные ловушки, и есть периоды, более благоприятные для первых, а есть такие, которые обеспечивают доминирование вторых. Кроме того, «институциональный выбор происходит в атмосфере соперничества идеологий...» (с. 29), которые выступают в качестве институтов конституционного выбора. Таким образом, введение книги формирует методологический стержень, на который нанизывается все последующее ее содержание.

Основная часть книги построена нетривиально. Вместе с автором читатель проходит через вехи исторического развития России и Европы, анализирует появление,

расцвет и угасание институтов и институциональных систем. Каждую главу книги завершают так называемые «балтийские истории» (в некоторых случаях они находятся внутри главы). С одной стороны, эти истории создают впечатление иной книги, внутри основной. С другой стороны, «балтийские истории» — это то место, где пути России и Европы смыкаются, где Россия становится западной. Авторы утверждают, что вариант вестернизации России существовал уже в самом начале, когда Рюриковичи импортировали сам западный институт государства как оседлого бандита. Потом были походы викингов и т.д. Балтия — это историческая альтернатива России, отчасти реализованная, отчасти потенциальная. Именно Балтия внутри России всегда выступала возмутителем спокойствия, смотрела больше на Запад, чем на Восток. Именно Балтия, Финляндия или Калининград — иной путь России, начало ее «другой колеи» и «несостоявшаяся экономическая история», выражаясь словами авторов книги.

Первая часть представленной монографии имеет название «Как разошлись пути развития России и Европы», и она реально объясняет, как и почему это произошло. Первобытнообщинный строй, рабовладение, феодализм... «Шаг вперед — два шага назад». По замыслу авторов, если мы его правильно поняли, изначальное появление исторических альтернатив в виде азиатского и античного способов производства сыграло решающую роль в расхождении путей Запада и Востока. Если первый был основан на праве собственности на землю и природные ресурсы, второй — на праве собственности на личность производителя, то феодализм («два шага назад») основан на праве собственности на землю и на личность производителя одновременно (с. 122). Насилие над личностью и лишение ее основных средств производства легло в основу института «власти–собственности» — того самого, который для России стал роковым и в некотором смысле случайным выбором.

Авторская модель «основывается на представлении о двух параллельных путях общественного развития. Один («восточный путь») базируется на институтах власти–собственности, другой («западный путь») — на институтах частной собственности» (с. 34). На Востоке государство занималось общественно-полезной деятельностью и в то же время было «ведомством» по ограблению своего и чужих народов (с. 45–46). «Азиатский способ производства — самая застойная раннеклассовая формация... Ни одно из обществ с доминантой власти–собственности не смогло самостоятельно (без влияния стран Европы) прийти к доминированию частной собственности» (с. 54). Причины «институционального застоя» азиатского способа производства авторы видят также в «устойчивом самовоспроизводстве азиатской общины» (с. 54). В разных странах азиатский способ производства приобретал свои национальные черты, не является исключением и Россия. Здесь «все формы государственного монополизма производны от главной монополии — монополии Русского государства на защиту» (с. 67). С защитой от монголо-татарского ига, собственно, и был связан выбор Россией модели «власти–собственности».

Классический капитализм происходит от античного мира, где «борьба частного и государственного начал», в отличие от азиатского способа производства, «заканчивается укреплением частной собственности» (с. 102). А само «изучение античного города–государства ... раскрывает закономерности становления и развития основ гражданского общества» (с. 102).

Расхождение путей Запада и Востока авторы монографии связывают также с естественными условиями развития производительных сил, отношением природных ресурсов к населению. «В условиях относительного перенаселения на Востоке отсутствовали предпосылки для экономии живого труда, замены ручного труда машинным. А на Западе именно недостаток трудовых ресурсов стал важным стимулом к изобретению

машин и механизмов, внедрению их в производство» (с. 136). Здесь невольно на ум приходит аналогия с современной Россией. Богатство природных ресурсов при невысокой плотности населения (на небольшое количество людей приходится колоссальная доля запасов) создает условия, когда институты присвоения природной ренты обладают гораздо большей эффективностью, нежели институты создания добавленной стоимости. И в обществе идет борьба за монополизацию именно рентных институтов. Хозяйство приобретает присваивающий характер и содержит в себе черты феодализма.

Импорт Россией восточных институтов, в том числе институтов восточного деспотизма, связывается также с ее приближенностью к Востоку и отдаленностью от Запада (с. 151). Важную роль в ее развитии сыграл и институт православия «с характерными для православной хозяйственной этики низкими оценками мирского труда, обрядоверием и цезаризмом» (с. 151). Восточно-христианская религиозная традиция рассматривала труд как «неприятную необходимость», а бедность в ней выступала как тип культуры (с. 151). Если на Западе религиозная мысль облекалась в телеологическую научную форму, то в России она сосредоточилась на форме религиозных обрядов. «Россия унаследовала от Византии и такую малопривлекательную черту, как *цезаризм* — преклонение духовной власти перед светской» (с. 153). Со временем в России «церковь окончательно превратилась из института, конкурентного по отношению к государству, в институт, целиком и полностью ему подчиненный» (с. 154). В усилении централизованной самодержавной власти в России авторы усматривают влияние Золотой Орды, а в распространении помещной системы — Турции. И то, и другое способствовало закреплению российской модели «власти-собственности» (с. 155).

До закрепления своего рокового выбора Россия долгое время была полем конкуренции институтов с Востока и Запада, а «побеждающая московская модель отношений власти-собственности все же наталкивалась на противодействие иных моделей» (с. 159). «Противоборство московской социально-экономической модели в XIII—XV вв. с альтернативными моделями развития русской цивилизации шло «на два фронта» — против Новгородской боярской республики и против Великого княжества Литовского (Русско-литовского государства). Обе они развивались под влиянием западных институтов (влияние Ганзы на Новгород, Польши на Литву) и демонстрировали более высокую степень политической и экономической свободы, чем московское самодержавие» (с. 160). Рассуждая по поводу победы худшего стандарта, каковым является в данном случае московская модель, авторы утверждают, что роль в этой победе сыграли факторы, привносимые из других систем: «Исход конкуренции разных региональных моделей определялся в доиндустриальных обществах прежде всего преимуществами военного потенциала» (с. 161). В то же время была еще одна конкурирующая модель — «казацкая модель», которая также проиграла «вотчинной» московской модели. Однако в данном конкурентном исходе речь идет о победе более прогрессивного стандарта, ибо «казацкая модель» была более примитивной моделью власти-собственности (с. 160) и по отношению к России выступала в качестве окраинной версии модели «оседлого бандита» по М. Олсону (с. 168). Вывод авторов однозначен: «...В то время как провал литовской альтернативы был неэффективным выбором в бифуркационной ситуации, пресечение казацкой альтернативы, напротив, — это пример эффективного выбора» (с. 169).

Итак, первая часть книги дает исторический ответ на вопрос «Почему Россия не Европа?», почему она ближе к Азии и каким образом она «увязла» в ней. Вторая часть книги дает ответ на вопрос: «Почему Россия не Азия?», почему она смотрит на Европу, а к Азии повернута, мягко говоря, тылом. Действительно, «Россия — окраина не только Запада, но и Востока» (с. 151). «Уже в эпоху позднего Средневековья сло-

жилось ощущение, что «русские — азиаты в Европе и европейцы в Азии» (с. 171). О дуализме России и ее экономики неоднократно писали ученые разных направлений мысли, разных политических взглядов и в разное время, например, об этом писали и Н. Бердяев, и Е. Гайдар.

Вторая часть книги носит название «Европейский путь развития: через капитализм в постиндустриальное общество». Авторы рассматривают организационные и технологические инновации, обеспечившие торжество капитализма в Западной Европе. Интересно, что не последнюю роль в становлении рыночной экономики там сыграла активная поддержка государством этого типа хозяйствования (с. 188), что выглядит как некий парадокс. Одним из первых этот парадокс обнаружил и объяснил американский экономист и социолог венгерского происхождения Карл Поланьи. Именно в период становления капитализма Россия, выражаясь словами А. Гершенкрона, прочно оказалась во «втором эшелоне» исторического поезда, обреченном на догоняющее развитие и запоздалую модернизацию. А страны первого эшелона стали задавать институциональные стандарты как некие передовые формы организации жизни, обеспечивающие прогресс человечества. Именно с тех пор Россия все больше смотрит и ориентируется на Запад, чем на Восток, который в массе своей также оказался во втором эшелоне развития (Восточная Европа, Турция, Япония).

Промышленная революция заложила как технологические и организационные, так и институциональные основы формирования индустриального общества. В то же время становление капиталистической Мир-системы обновило традиционные уклады, вдохнуло в них вторую жизнь и осовременило. В этой системе в форме неординарных укладов воспроизводятся и «азиатский деспотизм», и рабство, и феодализм (с. 217). Ярчайшими примерами являются и американское рабство, и «второе издание крепостничества» на Востоке. Таким образом, авторы творчески развивают Мир-системный анализ Э. Валерстайна, в котором Центр определяет развитие Периферии, в институциональном контексте также. Здесь же они критически применяют концепцию «перехода к самоподдерживающемуся росту» У. Ростоу для развитых систем (с. 221).

Следующий глобальный институциональный выбор был связан с переходом от свободной конкуренции к олигополистическим структурам и формированием «зрелого индустриального общества». В техническом плане он сопровождался «второй промышленной революцией» (с. 229). В организационном: соединением науки и производства, развитием маркетинговых исследований, заложением основ научной организации труда Ф.У. Тейлором, поточно-массового производства — Г. Фордом и теории человеческих отношений — Э. Мейо (с. 241). Конечно, можно было упомянуть и А. Файоля, и других. Авторами названы основатели. В связи с монополизацией рынков появляется и развивается антимонопольное законодательство как адекватный институт государственного регулирования. В Мир-системном плане намечается многоядерность, обусловленная лидерством разных стран в двух промышленных революциях и характеризующаяся соперничеством США и Германии с Великобританией за мировое господство (с. 254).

Осуществленный институциональный выбор, по мнению авторов, подготовил системный кризис капитализма 1914–1945 годов. Он характеризуется «четырьмя вызовами, обусловленными переходом от эпохи свободной конкуренции к эпохе олигополистической конкуренции»: двумя мировыми войнами; мировым экономическим кризисом (Великой депрессией 1929–1933 годов); вызовом со стороны командных экономик (социалистической и национал-социалистической); кризисом колониальной системы (с. 256–257). В этот период экономики ведущих стран были подвержены милитариза-

ции и этатизации, что вполне соответствовало олигополизации экономической сферы. Существенное обновление институциональной структуры происходит уже в результате мирового кризиса перепроизводства 20–30-х годов. Вторая мировая война закрепляет «институциональную перестройку» (с. 281). Одним из главных ее итогов авторы признают «отсечение» тех национальных моделей экономики, «которые стали на путь усиления власти-собственности и милитаризации, представляя угрозу всему мировому сообществу». А главным уроком — «необходимость перехода к регулируемому рыночному хозяйству» (с. 288). Таким образом, элементы альтернативных укладов опять были осовременены и «вжаты» в новую систему, что подготавливало становление смешанных систем будущего.

Становление постиндустриального общества, по утверждению Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова, сопровождается плюралистическим централизованным регулированием, созданием экономики услуг и знаний, «великим разрывом» социальных связей и формированием информационно-сетевое общества (с. 289–296). В экономическом плане ему соответствует становление «больших корпораций» олигополистического типа: финансово-промышленных групп и транснациональных корпораций. В Мир-системном отношении оно характеризуется плюрализмом моделей экономического развития: «американская», «японская», «скандинавская», «англо-саксонская», «средиземноморская», «догоняющая» и пр., то есть расширением выбора как такового. В тот же период происходит формирование институтов надгосударственного регулирования. Изменяются и критерии результатов социально-экономического развития. Основным таким критерием становится человек: его капитал и его развитие (с. 329).

Третья часть книги имеет название: «Российский путь развития: между Востоком и Западом». Авторы прослеживают путь России от Великой Смуты начала XVII века, когда она прочно стала на рельсы «догоняющего развития», до наших дней. В XVIII–XIX веках происходит «освобождение от докапиталистических институтов»: в форме «раскрепощения» дворянства и крестьянства. Для дворян раскрепощение осуществляется посредством получения разных вольностей и уравнивания в правах с вотчинниками, для крестьян — посредством освобождения от крепостной зависимости от помещика и зависимости от общины. Вытеснение институтов власти-собственности институтом частной собственности в России происходит в виде «революции сверху», что рассматривается как особенность российской модели догоняющего развития (с. 338–339).

Возникновение и развитие российской промышленности трактуется авторами также как медленное ее освобождение от «азиатских институтов», которые восходили к посессионной мануфактуре и одворяниванию первых промышленных династий (с. 348–349). Следует заметить, что подобное «одворянивание» на самом деле имело место и в странах, выступавших в качестве пионеров капиталистической системы хозяйствования. Достаточно упомянуть «новое английское дворянство» — джентри.

В силу тормозящих институциональных факторов России было суждено пройти гораздо более долгий, нежели другим странам, путь становления рыночной системы отношений капитала и труда, формирования системы предпринимательства в промышленности и сельском хозяйстве. К началу XX века, по убеждению авторов монографии, «российские социально-экономические институты во многом достигли (по крайней мере, формально) западных стандартов: дворяне свободны от государства, крестьяне свободны от дворян, промышленность развивают предприниматели и наемные рабочие» (с. 358). Ноу-хау авторов является применение модели дуалистической экономики А. Льюиса для объяснения развития России на рубеже XIX–XX веков (с. 361).

Однако два столетия догоняющей модернизации закончились «катастрофическим срывом, перечеркнувшим десятилетия реформ, направленных на переход от системы

власти-собственности к «нормальной» частной собственности» (с. 363). Речь, конечно, идет об Октябрьской социалистической революции. Обратимость реформ, или «катастрофический срыв» (более резкое выражение в монографии), по мнению авторов, объясняется незавершенной конкуренцией институтов. «Формальный институт передельной общины и неформальный институт традиционного права (трудового права собственности), оставшиеся от «азиатского деспотизма», в конце концов разрушили модернизирующую империю Романовых» (с. 363). И опять при выборе стандарта и последующего пути решающую роль играет внешний фактор: военный и политический.

Анализ развития командной экономики в России позволил авторам утверждать, что «фактически в СССР и ряде других стран было построено общество, которое по природе своей заметно отличается от социалистического идеала и во многих отношениях напоминает азиатский способ производства» (с. 369). «..Российские традиции власти-собственности получили как бы второе рождение» (там же). Базовыми институтами советской экономики стали планирование и монополизация производства — в духе западных тенденций олигополизации, что отчасти способствовало выживанию системы в мировом порядке. Негативными результатами их развития в этой системе стали торможение НТП, дефицит товаров, капитала и труда, бюрократизация всех сфер жизни. Но и в этот период основной тенденции противостояла контртенденция. Истории административно-командной системы СССР известны несколько случаев возрождения институтов частной собственности, которые снова проводились как «революции сверху»: новая экономическая политика, «совнархозная реформа» 1957 года, «косыгинская реформа» 1965 года, «горбачевская перестройка» 1985–1991 годов.

В России периоды либеральных реформ чередуются с усилением государственного регулирования, что отчетливо прослеживается в анализируемой монографии. И объясняется это тем, что Россия периодически пытается ориентироваться на Запад, но сохранившиеся в виде маргинальных явлений институты «азиатского способа производства» снова берут реванш, и она «вязнет» в Востоке. В одном из текстовых отступлений авторы делают специальную оговорку, что теперь разделение на «Запад» и «Восток» следует проводить не столько географически, по территориальному признаку, сколько понимать «по духу». Периодически осуществляемый Россией институциональный выбор между Востоком и Западом («голосуй сердцем» vs «голосуй разумом») приводит на ум известную политическую шутку, которая утверждает, что в России существует своя закономерность смены правителей: на смену «лысым» приходят «волосатые», их опять замещают «лысые», и так повторяется до бесконечности. Конечно, Россию это обогащает, но также и изводит.

Современный период реформирования оказался наиболее длительным, но и внутри него учеными обнаруживается своего рода цикл. Реформы с социалистической идеологией М.С. Горбачева, направленные на формирование «социализма с человеческим лицом», сменились либеральными реформами Б.Н. Ельцина, его курсом на «нормальный капитализм». На смену им, в свою очередь, пришли реформы В.В. Путина с национальной идеологией, курсом на «возрождение России» (с. 406–410). Есть и общие результаты этих этапов. Авторы утверждают, что, несмотря на формальную институционализацию прав и свобод в ходе реформ, многие из них оказались невостребованными и даже вызвали разочарование (с. 418). «Отсутствие надежных институциональных гарантий гражданского общества привело к росту произвола властей всех уровней... В этих условиях отклонение от законодательства стало своеобразной нормой поведения, а следование им — исключением. Резко возрос разрыв между декларируемой, желаемой и реализуемой свободой. Все это создало предпосылки для криминализации общества, для становления и развития *неправовой* свободы... Выжи-

вание в неправовом социальном пространстве стало возможным только путем систематического нарушения общественных норм» (с. 418). Другой проблемой стала своеобразная адаптация населения к рынку в условиях маргинализации общества. То же самое касается и адаптации фирмы, которая на рубеже веков характеризуется авторами как «экономика физических лиц, патернализма, бартера и рэкета» (с. 321).

В пореформенной экономике России можно обнаружить своего рода цикл и в развитии институтов власти-собственности. На первом этапе, в 1988–1992 годах, имеет место номенклатурная приватизация. «...Бюрократия... использует собственность ослабевшего государства в целях личного обогащения, получая льготные государственные кредиты, лицензии на даровое использование природных ресурсов, создавая свои кооперативы при госпредприятиях, в которые переводится прибыль, отмываются деньги» (с. 428), что приводит к возникновению «частно-бюрократической собственности». На втором этапе, в 1992–1996 годах, осуществляется попытка создания частной собственности. Проникновение институтов власти-собственности реализуется в виде формирования новой олигархии — деятелей крупного бизнеса, которых «можно считать классическим примером «бюрократической буржуазии», чьи позиции в бизнесе производны от их участия во власти» (с. 432). Третий этап, 1996–2000 годы, характеризуется дальнейшей институционализацией власти-собственности. К концу этого этапа усиливаются недовольство населения приватизацией и борьба между группировками бизнеса за его дальнейший раздел, что приводит к изменению курса, его переориентации на усиление государственного регулирования и деприватизацию (с. 435–436).

Третью главу логично завершает анализ нового курса российского государства на институциональное и инновационное развитие. Первое осуществляется через принятие ряда новых законов и создание институтов развития, второе — через утверждение «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации», более известной как «Программа-2020». Препятствием для ее успешной реализации выступает углубленная сырьевая ориентация России, что делает инерционный сценарий развития мощной альтернативой инновационному сценарию, некоей колеи, по которой уже много лет мчитесь российская экономика. Модернизация России видится авторам программы в выборе современных стандартов западной модели: в «ускоренном развитии человеческого потенциала; создании высоко конкурентной институциональной среды, стимулирующей предпринимательскую активность и привлечение капитала в экономику; структурной диверсификации экономики на основе инновационного технологического развития; закреплении и расширении глобальных преимуществ России в традиционных сферах (энергетика, транспорт, аграрный сектор, переработка природных ресурсов); повышении эффективности участия страны в мировом разделении труда и переходе к новой модели пространственного развития российской экономики» (с. 464). Используя концепцию Path Dependence исторического развития России и вероятно предполагая, что Россия находится в бифуркационной точке (а значит, у нее есть выбор и есть шанс), авторы монографии в то же время выявляют серьезные институциональные препятствия достижению поставленных сверху задач (с. 474–475).

Заключение монографии делает заглавным ключевой вопрос всей книги: «Когда и где сойдутся пути России и Европы?». И, конечно, каков будет исход этого схождения? Пойдет ли Россия по новой колее или же зависимость от ранее выбранного неэффективного стандарта (модели «власти-собственности») сохранится еще на долгие годы? Многовековая история утверждает, что «Россия — это Европа и не-Европа в то же время...». Значит, у нее есть шанс. Но какой? Снова выбрать чужую колею, теперь уже не азиатскую, а европейскую? В заключение авторы еще раз проходят через вехи истори-

ческого развития, анализируя сближение и удаление России от Европы. «Московская модель», выбранная после татаро-монгольского нашествия (великой победы над Азией с использованием ее же правильных для той ситуации институтов), оказалась начальным пунктом российской истории, когда сработал «эффект блокировки» для неэффективного стандарта (с. 481). С тех пор модель «власти–собственности» стала развивать адекватные себе институты, в том числе идеологические. И теперь мы даже родную историю, по утверждению авторов, изучаем «с «московской» точки зрения» (с. 480–481).

В то же время, рассуждая о судьбах Европы, авторы приходят к заключению, что и они неопределенны: в силу существования двух проблем мирового характера — истощения индустриальных источников энергии и демографического дисбаланса между странами Запада и странами Востока. К какому исходу может привести «депопуляция Европы на фоне численного роста бедных стран Африки, Азии и Латинской Америки», объясняется в монографии по аналогии с Древней Римской империей, не выдержавшей натиска варваров. «Весь вопрос в том, сможет ли уменьшающаяся горстка европейцев передать свои основные ценности (прежде всего, рационализм, индивидуализм и демократию) огромной массе мусульман, индуистов и конфуцианцев. История поздней Римской империи убедительно демонстрирует, как варвары могут опрокинуть старую цивилизацию путем, главным образом, простого численного превосходства. И тогда постиндустриальное общество может приобрести очень неожиданные оттенки» (с. 483).

Книга заканчивается позитивно. Называя себя «умеренными оптимистами», авторы пишут о том, что у человечества есть хороший шанс обеспечить мирное решение мировых проблем путем замены монополизированных институтов лидерства «политикоцивилизационными» институтами (с. 484). Для России он может быть реализован через упорядочивание государственных функций и «поощрение регионов», замену бюрократии меритократией, всестороннее развитие человека и уважения к нему.

Монографию завершает прекрасный эпилог, в котором представлено замечательное стихотворение русского поэта Н.А. Добролюбова о российской железной дороге.

В книге Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова дан глубокий историко-логический анализ эволюции и революции социальных, правовых и организационных институтов России и Европы. В книге много малоизвестных фактов, авторских догадок и рассуждений. В ней представлены обобщение, применение и творческое развитие институционального направления экономической мысли. Но методологическим ядром данного исследования остается концепция *Path Dependence*. Это тоже своего рода колея, по которой «скользит» представленное исследование. Однако в данном случае можно говорить об эффективном методологическом выборе. Книга написана профессиональным языком, в то же время образно и занимательно.

Монография российских ученых может служить важным подспорьем в изучении истории экономики, институциональной экономики, национальной экономики, экономической теории, разных междисциплинарных спецкурсов. Она рекомендуется научному сообществу, полезна представителям власти и бизнеса. Книга Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова адресуется всем, кому интересна и небезразлична судьба России.

P.S. Возможно, при написании данной рецензии, пытаясь передать и интерпретировать содержание монографии д.э.н. Р.М. Нуреева и д.с.н. Ю.В. Латова «Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития)», автор что-то добавил от себя. Надеемся, читатель простит ему эту небольшую вольность. Книга действительно наталкивает на размышления (о судьбах России, и не только), и каждый читающий ее найдет в ней собственное понимание и толкование.